

УДК [94(470)''18|19'':271.2:008](045)

Я. Э. Харитонова

Ya. E. Kharitonova

**ПРИПОЛЯРНЫЕ МОНАСТЫРИ И МЕСТНОЕ НАСЕЛЕНИЕ
НА РУБЕЖЕ XIX — XX вв.
(на примере мужского Свято-Троицкого
Трифано-Печенгского монастыря)**

**CIRCUMPOLAR MONASTERIES AND THE LOCAL
POPULATION AT THE TURN
OF THE XIX — THE XX CENTURIES
(on the example of the Holy Trinity Trifon-Pechenga Monastery)**

Ключевые слова: приполярные монастыри, местное население, совместная деятельность.

Статья посвящена вопросу взаимодействия приполярных монастырей и крестьянского социума на рубеже XIX — XX вв. На примере истории Свято-Троицкого Трифано-Печенгского мужского монастыря рассматриваются особенности взаимодействия обители и местного населения. Исследование основано на архивных документах, освещающих аспекты монастырской деятельности.

Key words: circumpolar monasteries, local population, co-activity.

This article is devoted to the issue of interaction of circumpolar monasteries and peasant society at the turn of the XIX — the XX centuries. On the example of the history of the Holy Trinity Trifon-Pechenga Monastery, the peculiarities of the interaction of this abode and the local population are considered. The study is based on archival documents covering aspects of monastic activities.

Православные монастыри в приполярных землях — это, прежде всего, северные мужские обители, которые располагались на прибрежных и островных территориях Белого и Баренцева морей: Спасо-Преображенский Соловецкий, Онежский Крестный, Николаевский Корельский, Спасо-Преображенский Пертоминский и Свято-Троицкий Трифано-Печенгский.

В отдельную группу эти обители выделяют по причине особых видов деятельности, обусловленных географическим расположением. Приполярные монастыри выполняли в первую очередь административные и оборонительные функции на северных окраинах страны. Кроме того, оказывали существенное экономическое и духовно-просветительское влияние на население близлежащих территорий.

Различные аспекты жизни приполярных монастырей освещены во многих исследованиях. Особое внимание историков привлекали вопросы землевладения и хозяйственной деятельности обителей. Однако большинство авторов освещали проблемы, относящиеся к более раннему периоду (В. О. Ключевский¹, А. А. Савич²).

Важное место в ряду работ по данной теме занимают труды, посвященные региональной церковной истории. В большинстве дореволюционных исследований аспект взаимоотношения приполярных обителей с жителями близлежащих территорий излагался описательно (Досифей (Немчинов)³, Макарий (Миролубов)⁴). В современной региональной историографии освещение вопроса взаимодействия

приполярных монастырей с местным населением носит фрагментарный характер (А. Н. Богданова, Е. А. Орехова и др.⁵).

История Свято-Троицкого Трифоно-Печенгского мужского монастыря интересовала ученых на протяжении долгого времени. Как в дореволюционных (Н. J. Pearson⁶, Е. Rae⁷, А. И. Андреев⁸, Е. В. Гешин⁹, Н. Ф. Корольков¹⁰, А. К. Сиденснер¹¹), так и в современных (Ю. П. Бардилева¹², Д. А. Ермолаев, С. А. Никонов¹³, А. А. Коряковский¹⁴, П. В. Федоров¹⁵) исследованиях внимание уделялось географическому положению обители, ее историко-статистическому описанию и этапам существования. Отношений приполярных монастырей и местного населения большинство авторов касались лишь частично.

В данной статье предпринята попытка осветить на примере Свято-Троицкого Трифоно-Печенгского мужского монастыря направления взаимодействия приполярных обителей с местным населением в решении экономических и социальных вопросов на рубеже XIX — XX вв.

Основные сведения по данному вопросу можно извлечь из документов, хранящихся в фонде И-87 (Трифоно-Печенгский монастырь Архангельской и Холмогорской епархии) Государственного архива Мурманской области, а также в фонде 1025 (Канцелярия епископа Архангельского и Холмогорского) Государственного архива Архангельской области. Используемые материалы представляют собой делопроизводственную, хозяйственную, распорядительную документацию.

Мужской монастырь, основанный преподобным Трифоном Печенгским в середине XVI в. в западной части Мурманского берега, был ликвидирован в 1764 г.¹⁶

История возрожденного Свято-Троицкого Трифоно-Печенгского монастыря началась в 1881 г., когда архангельский губернатор Н. М. Баранов высказал мнение о необходимости возобновления обители¹⁷. Епископ Архангельский и Холмогорский Нафанаил (Соборов) в 1882 г. выступил с просьбой перед Святейшим Синодом о восстановлении Печенгского монастыря¹⁸.

Возрождение Трифоно-Печенгского монастыря было актуально с точки зрения политики России на северо-западных окраинах страны. Во второй половине XIX в. Мурманский полуостров испытывал влияние бурно развивающегося соседнего норвежского Финнмаркена. Оживление деятельности норвежских рыбопромышленников на российском побережье Баренцева моря могло существенно ослабить российскую государственность на Мурмане. С целью укрепления русского присутствия с 1868 г. государством была инициирована колонизация Мурманского берега. Колонисты получали различные льготы, освобождались от налогов и от службы в армии, имели возможность беспощинно ввозить товары из-за границы и т. д.¹⁹

Колонизация Мурманского побережья способствовала развитию рыбных промыслов, торговли и транспорта, благодаря чему за несколько лет число жителей полуострова значительно увеличилось.

При этом колонисты и многочисленные рабочие, приезжавшие ежегодно на рыбный и звериный промыслы²⁰, имели религиозные потребности, которые необходимо было удовлетворять. В результате настойчивых просьб жителей края, поддержанных Архангельской епархией, на Мурмане началось активное храмостроительство. Остро проявившийся вопрос недостатка священников в мурманских становищах Русская Православная Церковь решала командированием клириков к рыбопромышленникам в период промысла для требоисправлений²¹.

Дополнительную озабоченность Русской Православной Церкви вызывало появление на Мурманском берегу норвежского и финского населения лютеранского вероисповедания. Для усиления православного присутствия в российском северо-западном приграничье, помимо строительства новых церквей и окормления рыбацких становищ, архангельские епархиальные и губернские власти на рубеже XIX — XX вв. поддерживали идею восстановления старых святынь, в первую очередь Трифоно-Печенгской обители.

Возобновление монастыря было поручено соловецким инокам. 16 июля 1886 г. несколько монахов Соловецкой обители прибыли в Печенгу²². С того времени началась активная деятельность по восстановлению Трифоно-Печенгского монастыря, что способствовало дальнейшему экономическому и культурному развитию края.

Приполярные монастыри на протяжении всего существования являлись религиозными, культурными и экономическими центрами побережий Белого и Баренцева морей. С одной стороны, обители давали поморам возможность «подняться над обычными житейскими буднями» (М. М. Богословский²³). С другой стороны, монастыри занимались экономическими вопросами — содержали промыслы, управляли землями, а также участвовали в социальной жизни территорий, тесно взаимодействуя при этом с местными жителями.

Перед вновь открытым Трифоно-Печенгским монастырем, по словам епископа Архангельского и Холмогорского Нафанаила, стояла задача стать местом, «из которого направлялась бы разнородная деятельность на пользу обитателей Мурманского берега»²⁴. Монастырь был призван стать рычагом решения экономических и социальных вопросов как среди колонистов, так и среди коренных жителей — лопарей и зырян. При этом предполагалось вести хозяйственную и благотворительную деятельность в тесном взаимодействии с местными жителями.

Так, Трифоно-Печенгский монастырь предоставлял рабочие места мурманским колонистам. В конце XIX в. колонисты Колонистско-Печенгской волости заключали с монастырем условия по найму на монастырский рыбный промысел, за работу на котором получали фиксированную плату в 35 руб.²⁵

Для работы на монастырских рыбных тонях обитель нанимала и лопарей. При этом монахи снабжали лопарей-промысловиков съестными припасами «в счет промысла». Продукты — сахар, чай, крупы, соль, мука и т. д. — отпускались поименно каждому рыбаку²⁶.

Кроме добычи рыбы монастырь привлекал местных жителей и к другим работам. Например, в 1892 г. крестьянин Колонистско-Печенгской волости П. М. Кириков был нанят для заведования засолкой добытой рыбы и для управления всем рыбопромысловым хозяйством обители. Он также руководил монастырскими промысловыми судами — ёлами, и был обязан контролировать выгрузку монастырского товара с приходящих пароходов в период навигации с марта по сентябрь. За эту работу Прокопий Матвеевич ежемесячно получал оплату в размере 15 руб.²⁷

Для выполнения кузнечных работ монастырь пользовался услугами лопарей, монахи исправляли у них медные чайники, кочерги, ножи, котлы, дверные петли, сковороды и другие предметы быта²⁸. При постройке зданий начальных училищ в селах Териберка и Баркино в начале XX в. монастырь нанимал крестьян для рубки и острожки бревен, выкатки леса, погрузки и разгрузки его с парохода, опиловки готовых бревен²⁹.

Непростым для отношений между монастырем и местным сообществом стало решение по возвращению земель, принадлежавших обители в XVI — XVIII вв. Монастырь нуждался в увеличении земельного надела для ведения хозяйственной деятельности, а жителям колонии Монастырской было сложно принять решение об освобождении мест их проживания и переезде на новое место жительства.

Учитывая потребности колонистов и пытаясь возместить ущерб, монастырь принял на себя финансовые обязательства по обеспечению процесса переселения. С сентября 1893 г. по январь 1894 г. с каждым из домохозяев монастырь заключил индивидуальное соглашение. Переносу подлежали жилые постройки в разной степени изношенности и хозяйственные сооружения (амбары, хлева, бани)³⁰. Перенос домов колонистов производился в течение шести лет, с 1894 г. по 1899 г. На новом месте жительства для переселенцев строились новые дома³¹. Бывшие жилища перестраивались в надворные постройки, а в новых домах из монастырского кирпича были возведены пятьдесят печей «разного устройства»³².

Особой задачей приполярных обителей была поддержка безопасного судоходства в прилегающих к монастырям акваториях.

Трифоно-Печенгский монастырь располагался у Печенгской губы Баренцева моря, которая впадала в берег на 16 километров и была судоходна. На побережье Печенгской губы, в 20 километрах от обители, находилась монастырская морская пристань. К ней подходили торговые и пассажирские суда из России, Дании, Норвегии, Англии³³, привозившие паломников и товары.

С 1896 г. Трифоно-Печенгский монастырь участвовал в обеспечении бесперебойной работы морского бакена на Мурманском берегу. Дирекция маяков и лоции Белого моря в связи с этим предписывала насельникам обители ежегодно в начале навигации выставлять бакен для ограждения пятифутовой банки у мыса Толстик. Монастырь брал на себя обязательства по содержанию бакена «под присмотром» и хранению его в зимнее время в надлежащих условиях. В течение нескольких лет бакенной службой монастыря заведовал экононом монах Варлаам. Дирекция маяков и лоции Белого моря оплачивала монастырю эту работу «условным вознаграждением» в 5 руб. за навигацию³⁴.

В начале XX в. монастырь начал обслуживание шхерного огня на мысе Романова. Для его содержания обитель получала необходимые материалы от дирекции маяков и лоции Белого моря³⁵.

Значимой для местных жителей была деятельность приполярных монастырей по улучшению качества жизни населения.

В 1895 г. настоятель Трифоно-Печенгской обители иеромонах Ионафан просил архангельского губернатора об открытии в селении Печенга почтово-телеграфного отделения. Оно, по мнению настоятеля, являлось крайне необходимым. С проведением в Печенгу телеграфа могло увеличиться число передаваемой корреспонденции, что активизировало бы коммуникацию центра губернии с отдаленными местностями³⁶. Под почтово-телеграфное отделение монастырь передал свой дом в селении Печенга. В здании располагалось техническое оснащение почты и телеграфа, а также проживали «чиновники и служащие при отделении лица». С сентября 1896 г. по октябрь 1897 г. монастырь содержал и оплачивал все снимаемые квартиры³⁷. В 1898 г. при Печенгском почтово-телеграфном отделении начала действовать сберегательная касса³⁸. Монахи активно пользовались телефонами и внутри монастыря. По воспоминаниям сотрудника журнала «Русская мысль» Е. В. Гешина, в

1913 г. в обители использовалась телефонная связь, соединявшая монастырские службы и здания³⁹.

В начале XX в. Трифоно-Печенгский монастырь выступил инициатором строительства грунтовой дороги от селения Печенга до колонии Трифонов ручей. Сход колонистов Печенгского сельского общества Мурманско-Колонистской волости в 1905 г. дал согласие на отвод общественной земли для постройки этой дороги, которую предполагалось проводить за счет обители⁴⁰. Через два года монастырь подал прошение обер-прокурору Святейшего Синода о проведении своими силами дороги от Печенгского погоста до озера Чалмозера в связи с ходатайством о передаче монастырю острова Миника⁴¹. Директор лесного департамента выдал директиву, в которой говорилось, что монастырь необходимо немедленно допустить к устройству этой дороги общего пользования. При этом монастырю предоставлялось право бесплатного пользования лесом на дорожные надобности⁴². Архангельский губернатор И. В. Сосновский высоко оценил инициативу монастыря, отметив, что без грунтовой дороги от монастыря до Чалмозера «нельзя и мечтать о русской колонизации правого берега пограничной реки Паз, что признано необходимым правительством»⁴³.

Губернатор выступил с инициативой, совместно с дорогой построить телеграфную линию от Печенги до Пазреки. Архимандрит Ионафан в июне 1913 г. сообщал, что предварительные работы монастырем проведены, и просил начальника Архангельского почтово-телеграфного округа оказать содействие в строительстве телеграфной линии⁴⁴.

Хозяйственные инициативы монастыря позволяли ему содействовать разрешению некоторых вопросов социального характера.

В 1910-х гг. монахи предоставляли помещения в доме в с. Баркине Мурманско-Колонистской волости для размещения фельдшерского пункта. По взаимному решению с волостным сходом монастырь сдавал этот дом волости в аренду. Дом имел четыре комнаты, три монастырь сдавал для фельдшерского пункта, четвертая комната оставалась за монастырем. Волость арендовала дом у обители до конца 1910-х гг.⁴⁵ В 1920 г. монастырь также нес обязательства по обеспечению дровами учительницы, проживавшей в Баркине⁴⁶.

Важный вопрос, в решении которого принимали активное участие приполярные монастыри, было обучение детей местных жителей. С ноября 1893 г. в Баркине действовала одноклассная церковно-приходская школа⁴⁷ «от Трифоно-Печенгского монастыря Печенгского прихода Кольского уезда»⁴⁸. Школа располагалась в монастырском доме, имела два отделения — младшее и старшее. Обучались в школе только мальчики. В 1895/1896 учебном году в старшем отделении учились 11 детей 12 — 15 лет, в младшем — 9 мальчиков 9 — 11 лет⁴⁹. Церковно-приходская школа в Баркине просуществовала до 1907 г., когда после реформ 1905 — 1907 гг. церковно-приходские школы повсеместно были выведены из-под контроля Церкви и переданы в ведение Министерства народного просвещения. В ноябре 1907 г. учитель Баркинской школы П. Поликин сообщал настоятелю монастыря архимандриту Ионафану, что учение в школе прекратилось, так как ученики переведены в открытое в Баркинской колонии министерское училище⁵⁰.

В январе 1903 г. монастырем была открыта еще одна школа. Она располагалась на территории обители и имела статус частной. В задачу школы входило просвещение детей лопарей Печенгского погоста. Однако на практике в школе обучались дети русских колонистов «из разных становищ Мурманна» и дети зырян-ижемцев⁵¹.

Ученики жили в монастыре на полном обеспечении⁵². В 1908/1909 учебном году в школе обучалось 14 детей, в 1909/1910 — 7⁵³, в 1911/1912 — 9 (восемь мальчиков и одна девочка)⁵⁴. Учителями в школе служили: потомственный дворянин, выпускник Московского университета Д. А. Проташинский, выпускник духовного училища Р. П. Чистеков и выпускник Архангельской духовной семинарии П. М. Федоров⁵⁵.

По воспоминаниям современников, монастырская школа была прекрасно оснащена, имела богатый арсенал наглядного материала — географических и исторических карт, портретов и картин по истории, красочных иллюстраций по Закону Божию⁵⁶. Настоятель постоянно заказывал различную литературу с книжного склада Училищного Совета при Святейшем Синоде. Это были книги духовного содержания, исследования по истории и географии, художественная, педагогическая, музыкально-певческая литература и книги по сельскому хозяйству.

На базе школы насельники обители проводили лекции для взрослых по различной тематике — религиозно-нравственному воспитанию, русской истории и словесности, географии и естественной истории, а также против пьянства.

Посетивший Трифоно-Печенгский монастырь в 1906 г. писатель В. П. Блинов отмечал, что монастырской школе смело могут позавидовать учебные заведения центральных губерний, не имеющие порой таких просторных светлых помещений, электрического освещения, библиотеки и хороших наглядных пособий⁵⁷.

Под руководством монастыря школа просуществовала до 1911 г., когда перешла под патронаж Кемско-Александровского отделения Архангельского епархиального училищного совета. В 1913 г. школа была закрыта⁵⁸.

Трифоно-Печенгская обитель опекала и начальные училища в селениях Териберка и Баркино. С самого начала их строительства монастырь осуществлял контроль за расходованием средств и ходом работ⁵⁹. В 1907 г. директор народных училищ Архангельской губернии просил архимандрита Ионафана взять на себя наблюдение за строительством⁶⁰. При проведении строительных работ монастырь нанимал крестьян для рубки срубов, острожки бревен, выкатки леса, погрузки и разгрузки его с парохода, опиловки бревен⁶¹. В 1909 г. настоятель писал министру народного просвещения, что оба срубы зданий готовы, а в с. Баркине сруб собран и готов к отделке⁶². В 1911 г. строительные работы были завершены. Акт о приемке здания народного училища в с. Баркине подписали учительница Л. М. Кич, законоучитель священник В. Спасский, начальник Печенгской телеграфной конторы Кич, сотрудник Печенгской телеграфной конторы Басков и лесничий Печенгского лесничества Мацоло⁶³.

Таким образом, проведенное исследование свидетельствует об активных взаимоотношениях приполярных монастырей и местного населения в конце XIX — начале XX в. На рубеже столетий активизировались инициативы Российской империи на северо-западных рубежах страны. Закрепления русского присутствия на Мурманском полуострове требовала ситуация с возросшим экономическим влиянием соседнего норвежского Финнмаркена. Озабоченность возможной потерей влияния на местных жителей и колонистов с государством разделяла и Русская Православная Церковь. Для удовлетворения религиозных потребностей православных колонистов и сезонных промысловиков, а также с целью противостояния лютеранскому влиянию, Церковь активизировала храмостроительство на Мурмане и увеличила количество клириков, посылаемых для требоисполнения в рыболовецкие становища в период промысла. Однако наибольшим ресурсом для решения задач закрепле-

ния русского присутствия на Мурманском побережье стало возрождение местных святынь, в первую очередь обители преподобного Трифона Печенгского. Экономическая деятельность, инициированная Трифоно-Печенгским монастырем, имела положительное обоюдное влияние. Обитель предоставляла местным жителям — колонистам и лопарям — рабочие места на монастырских рыбных тонях. При этом нанятые промысловики получали от монастыря не только нормированную оплату, но и полное обеспечение — съестные припасы и орудия труда. «Работа на монастырь» проявлялась и в привлечении лопарей для выполнения бытовых работ — кузнечных и строительных, а мурманские колонисты возглавляли в монастыре различные хозяйственные службы. Совместные экономические инициативы обители и местного населения способствовали разрешению вопросов социального характера. Основными среди них были обеспечение коммуникаций регионального и губернского значения, поддержка судоходства в примонастырской акватории и обучение детей местных жителей. Итогом совместной деятельности стало создание эффективно работавших структур с квалифицированными кадрами. Инициативы Трифоно-Печенгского монастыря, нацеленные на получение конкретных результатов, послужили социальным стабилизатором и стали объединяющим компонентом усилий Русской Православной Церкви в лице приполярных обителей и государства в лице жителей Мурманского берега.

Библиографические ссылки

- ¹ См.: **Ключевский В. О.** Хозяйственная деятельность Соловецкого монастыря в Беломорском крае // В. О. Ключевский. Опыты и исследования : Первый сб. ст. Петроград, 1919. С. 1 — 31.
- ² См.: **Савич А. А.** Монастырское землевладение на Русском Севере XVI — XVII вв. // Ученые записки Пермского государственного университета. Отделение общественных наук. 1931. № 2. С. 191 — 229.
- ³ См.: **Досифей** (Немчинов), архим. Географическое, историческое и статистическое описание ставропигиального первоклассного Соловецкого монастыря : в 3 ч. М., 1836. Ч. 3. 446 с.
- ⁴ См.: **Макарий** (Миролюбов). Историко-статистическое описание Пертоминского мужского монастыря. М., 1882. 20 с.
- ⁵ См.: **Богданова А. В.** Соловецкий монастырь в Екатерининскую эпоху : Из истории секуляризационной реформы 1764 года. М., 2017. 320 с. ; **Духовная пристань поморов : История Николо-Корельского монастыря : ст., очерки, исслед. / сост. М. Л. Маслова. 2003. 288 с. ; Орехова Е. А.** Колонизация Мурманского берега Кольского полуострова во второй половине XIX — первой трети XX вв. : дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2009. 311 с.
- ⁶ См.: **Pearson H. J.** Three summers among the birds of Russian Lapland. London, 1904. С. 170 — 191.
- ⁷ См.: **Rae E.** The White Sea peninsula, a journey in Russian Lapland and Karelia. London, 1881. С. 11 — 26.
- ⁸ См.: **Андреев А. И.** О подложности жалованной грамоты Печенгскому монастырю 1556 г. // Русский исторический журнал. 1920. Кн. 6. С. 132 — 157.
- ⁹ См.: **Гешин Е. В.** Трифоно-Печенгский монастырь : Из путевых впечатлений // Русская мысль. М., 1913. Кн. V. С. 57 — 69.
- ¹⁰ См.: **Корольков Н. Ф.** Трифоно-Печенгский монастырь, основанный преподобным Трифоном, просветителем лопарей, его разорение и возобновление. СПб., 1908. 162 с.
- ¹¹ См.: **Сиденер А. К.** Описание Мурманского побережья. СПб., 1909. 272 с.
- ¹² См.: **Бардилева Ю. П.** Русская Православная Церковь на Кольском Севере в первой половине XX века. Мурманск, 2015. 254 с.
- ¹³ См.: **Ермолаев Д. А., Никонов С. А.** Троицкий Печенгский монастырь в Кольском остроге в XVI — XVIII веках: краткий исторический очерк // Д. А. Ермолаев, С. А. Никонов. Описи

церковного имущества Кольского Печенгского монастыря и Воскресенского собора города Колы XVIII — середины XIX веков. Мурманск, 2013. С. 8 — 19.

¹⁴ См.: **Коряковский А.** (свящ.). История локализации Трифонов-Печенгского монастыря в конце XIX — начале XX веков // Христианское чтение: науч. журн. Санкт-Петербургской Духовной Академии Русской Православной Церкви. 2020. № 4. С. 260 — 269.

¹⁵ См.: **Федоров П. В.** История Трифоно-Печенгского монастыря (1886 — 1917 гг.). Мурманск, 1996. 70 с.

¹⁶ ГА АО. Ф. 1025. Оп. 5. Д. 1269. Л. 6.

¹⁷ **Коряковский А.** Указ. соч. С. 264.

¹⁸ ГА МО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 18. Л. 22.

¹⁹ Колонизация Мурманского берега. URL: http://lexicon.dobrohot.org/index.php/колонизация_Мурманского_берега (дата обращения 09.03.2022).

²⁰ ГА МО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 3. Л. 1 об.

²¹ См.: **Бардилева Ю. П.** Влияние колонизации Мурманского берега во второй половине XIX — начале XX в. на деятельность Русской Православной Церкви на Кольском Севере // Освоение Кольского Севера: эволюция процесса. 2-я половина XIX — начало XXI в. : материалы обл. науч.-практ. конф. (27 нояб. 2015 г.). Мурманск, 2015. С. 11.

²² См.: **Мацак В. А.** Трифоно-Печенгский монастырь: исторические вехи // Наука и бизнес на Мурмане : науч.-практ. журн. Сер.: История и право. 1999. Т. 6, № 3 (14) : Храмы кольского севера. С. 23.

²³ См.: **Богословский М. М.** Северный монастырь в XVII-м веке. // Вестник Европы. 1908. № 11. С. 278 — 306.

²⁴ Цит. по: **Бардилева Ю. П.** Влияние колонизации Мурманского берега во второй половине XIX — начале XX в. на деятельность Русской Православной Церкви на Кольском Севере. С. 13.

²⁵ ГА МО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 4. Л. 7.

²⁶ Там же. Л. 21 — 26 об., 28 — 38, 40 — 46.

²⁷ Там же. Л. 9.

²⁸ Там же. Л. 27 — 27 об.

²⁹ Там же. Д. 23. Л. 42 об.

³⁰ Там же. Д. 8. Л. 1 — 14.

³¹ См.: **Сиденснер А. К.** Указ. соч. С. 56.

³² См.: **Корольков Н. Ф.** Указ. соч. С. 56.

³³ См.: **Федоров П. В.** Указ. соч. С. 6 — 7.

³⁴ ГА МО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 11. Л. 1 — 4.

³⁵ Там же. Л. 32 — 39, 85 — 105 об.

³⁶ Там же. Д. 10. Л. 12 — 12 об.

³⁷ Там же. Л. 23.

³⁸ Там же. Л. 25 — 26 об.

³⁹ См.: **Гешин Е. В.** Указ. соч. С. 57 — 58.

⁴⁰ ГА МО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 19. Л. 2 — 3.

⁴¹ Там же. Д. 22. Л. 1 — 3 об.

⁴² Там же. Л. 13.

⁴³ Там же. Л. 26 об.

⁴⁴ Там же. Л. 76.

⁴⁵ Там же. Д. 29. Л. 1 — 1 об, 24.

⁴⁶ Там же. Л. 23.

⁴⁷ Там же. Д. 3, 7, 14.

⁴⁸ Там же. Д. 9. Л. 1 — 1 об.

⁴⁹ Там же. Л. 53 об.

⁵⁰ Там же. Л. 303.

⁵¹ Там же. Д. 27. Л. 1.

⁵² Там же. Л. 1.

⁵³ Там же. Д. 26. Л. 4.

⁵⁴ Там же. Л. 53 об.

⁵⁵ Там же. Л. 18.

⁵⁶ См.: Бардилова Ю. П. Русская Православная Церковь на Кольском Севере... С. 47.

⁵⁷ См.: Блинов В. П. На Мурмане. Петроград, 1918. С. 18.

⁵⁸ См.: Федоров П. В. Указ. соч. С. 46, 49.

⁵⁹ ГА МО. Ф. И-87. Оп. 1. Д. 23.

⁶⁰ Там же. Л. 1.

⁶¹ Там же. Л. 42 об.

⁶² Там же. Л. 17.

⁶³ Там же. Л. 50.

Поступила 21.03.2022 г.

УДК 94(470.43)(470.57)«18/19»:615.2

Д. Ф. Горлов

D. F. Gorlov

СОЗДАНИЕ И РАЗВИТИЕ ПЕРВЫХ КУМЫСОЛЕЧЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ САМАРСКОЙ И УФИМСКОЙ ГУБЕРНИЙ В XIX — НАЧАЛЕ XX в.

CREATION AND DEVELOPMENT OF THE FIRST KUMIS MEDICAL INSTITUTIONS ON THE TERRITORY OF SAMARA AND UFA GOVERNORATES IN THE XIX — THE EARLY XX CENTURY

Ключевые слова: кумыс, кумысолечебницы, Самарская губерния, Республика Башкортостан, туберкулез.

В статье представлен сравнительный анализ развития первых кумысолечебных учреждений в Самарской и Уфимской губерниях, близких по территориальному расположению и исторически значимых в использовании кумыса как лечебного средства. Кумыс всегда являлся основным целебным напитком кочевых народов. Обладая широким спектром полезных свойств, кобылье молоко использовалось как источник питания, однако со временем оно нашло применение и в медицинской практике. Исторические сведения о первых кумысолечебных заведениях в России сводятся к тому, что наиболее популярным данный метод оздоровления и укрепления организма был на территории Поволжья. Особо стремительно здравницы развивались в Самарской и Уфимской губерниях.

Key words: kumis, kumis clinics, the Samara Governorate, the Republic of Bashkortostan, tuberculosis.

The article presents a comparative analysis of the development of the first kumis medical institutions in the Samara and Ufa Governorates, which are close in territorial location and historically significant in the use of kumis as a therapeutic remedy. Kumis has always been the main healing drink of nomadic peoples. Having a wide range of useful properties, mare's milk was used as a source of nutrition, but over time it found application in medical practice. Historical information about the first kumis medical institutions in Russia comes down to the fact that the most popular method of recovery and strengthening of the body was on the territory of the Volga region. Health resorts developed especially rapidly in the Samara and Ufa Governorates.

Первые сведения о целебных свойствах кумыса были получены благодаря записям знаменитого ученого, философа и врача Ибн Сины Авиценна. В его врачебных